18+

Олег Тупицкий

Вероятность реальности

из десяти книг

Олег Тупицкий

Вероятность реальности. Из десяти книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24050537
ISBN 9785448511684

Аннотация

«Поэтическая манера Олега Тупицкого тяготеет к почти афористичной краткости. При этом, несмотря на аскетичность стиля и явный перевес философской составляющей, стихи его насыщены яркими, запоминающимися, зримыми образами – и в этом тесном сплетении рационального и иррационального, мысли и чувства в небольших по объёму стихотворениях, возможно, и кроется их особое обаяние».Лера Мурашова, поэт

Содержание

ИМЯ ВЕТРА 8
«Всё, как тогда – уходит день…» 8
«Ты снилась мне короткими ночами…» 9
«Любимая, мы были дураками…» 10
«На постое в селениях дальних…» 11
«Блажен, кто верует, покуда…» 13
Как трижды три 14
Девять блюзов для Наташи 20
1. Солдаты блюза 20
2. Четыре года 21
3. Твои колени в мозолях 21
4. Ты никогда не узнаешь 22
5. Как мясо 23
6. Она убила меня 24
7. Ты забыла 25
8. Часы на моей стене 26
9. Макаров блюз 27
«Когда я навещу Ростов…» 28
Окно 29
«Заткни меня за пояс Ориона…» 30
«Какого дня какая злоба…» 30
«Я умер. Было бабье лето…» 31
«Боевое седло убивает в мужчине 31

мужчину…»
«Крест Лебедя над городом ночным…» 32
«Рентгеновский снимок в зените…» 33
«Осколок зеркала – растущая луна …» 33
«По мановению руки…» 34
«Лишённые по прихоти людей…» 34
«То ли в детство впадаю…» 35
«Солнца медный пятак…» 36
«Распахни своё окошко…» 36
«Поздно вечером выйдем покурить на балкон…» 37
«Кто гадал по следам…» 37
«В этих диких краях…» 38
ДОРОГА В ДАМАСК 39
«Дочь легкомысленной любви…» 39
«Мы не заметили, увы…» 40
«Тот, кто выбирает дорогу…» 41
Прогулка 42
«Пучок утиных перьев…» 44
«Отправляешься в дорогу…» 45
«Я памятник воздвиг из горстки слов…» 46
«Синева долгожданного неба…» 47
«Снег, обглоданный туманом…» 48
«Небесные цветы дворов и пустырей…» 49
Десятый блюз 50
«В конце дороги крепкий чай…» 51

«Верни мне слово – я тоскую…» 52
«Второе утро августа. Илья…» 53
«Берёза сыплет семенами…» 54
Mississippi blues 55
«Восстанут племена иные…» 57
«Я не помню Магадана…» 58
«Я говорю а кто такие мы…» 59
«Куда идём и где конец дороги …» 60
«Одинокий постылый уют…» 61
«Под облаками августа…» 62
«Не мочёной морошки…» 63
«В повтореньи сезонов…» 64
Орёл и решка 65
«В этом мире симметрий и тождеств…» 66
«Неподвластно, неподсудно…» 67
«И жизни год сороковой…» 68
«Я напишу стихотворенье…» 69
Псалом 130 70
САД ИЕРОНИМА 71
«Запить запеть за пять за три с полтиной…» 71
«Посторонись, прохожий, я иду…» 72
«Корзина с польскими грибами…» 73
«Возьму да сочиню сонет…» 74
«Провинциальный милый сердцу быт…» 75
«С опозданьем, конечно…» 76
«Дали голос, но не дали хлеба…» 77

«Закурю папироску…» 78
«Кто был неправеден и грешен…» 80
ФЕНИКС 81
«Бог перестал со мною говорить…» 81
«Не дарите папе розы …» 82
«Когда настигнет немота…» 83
«Кто ищет истину в Тибете…» 84
Псалом 132 85
«Я рано встал и посмотрел в окно…» 86
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Вероятность реальности
Из десяти книг

Олег Тупицкий

© Олег Тупицкий, 2017

ISBN 978-5-4485-1168-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИМЯ ВЕТРА
1995

«Всё, как тогда – уходит день…»

Всё, как тогда – уходит день,
и вечер удлиняет тень.
И Днепр напоминает мне,
как ты по берегу бежала
за мной. Вода едва дрожала,
и отражались мы на дне.
И ты так весело смеялась.
Я убежал, а ты осталась
одна на диком берегу.
Вернусь. Увижу отраженье.
За отражением бегу,
а Днепр уносит отраженье.

«Ты снилась мне короткими ночами…»

Ты снилась мне короткими ночами,
но сотни километров за плечами
нас разлучали.

Улары над ущельями кричали —
нас разлучали.

В ночи тайга, чуть слышная, ворчала:
«Начни сначала».
И разлучала.

Но как начать, когда начало
нас разлучало?

«Любимая, мы были дураками…»

Любимая, мы были дураками,
когда, грозя друг другу кулаками,
припоминали прошлые грехи.
(Какие же мы были дураки!)
Расстались не друзьями, а врагами.
Ты не сказала: «Доброго пути».
Я промолчал. За это и прости.
Морджот опять укрылся облаками,
и, значит, просветления не жди.
(Какими же мы были дураками!)
Но поздно крикнуть: «Нет, не уходи!»
Теперь дожди. Пока одни дожди.

«На постое в селениях дальних…»

1 февраля 1987 года

На постое в селениях дальних
и в палатках, уют не сулящих,
не ищите друзей гениальных,
а ищите друзей настоящих.

Пусть они из числа отстающих,
невезучих и вечно бродячих,
но зато из породы дающих
и взамен ничего не просящих,

из глупцов, что в мирской суете
не таскают за пазухой камни,
и легко, по своей простоте,
ваши беды разводят руками.

* * *

И считался героем, кто дня не прожил без стакана.
И считался дерьмом тот, кто горькую пить не посмел.
Сильным мира сего это на руку было. Вполпьяна

мужики не роптали. Хватало бы на опохмел.

И, почти не трезвея, ходили в роддом и за гробом.

И, чтоб крепче спалось, заливали пустые слова.

Ты не спился, отец. Я ж родился с похмельным синдромом.

Как болит голова! Как позорно болит голова!

«Блажен, кто верует, покуда…»

Блажен, кто верует, покуда
живёт на свете. И не худо
бы мне понять, что вера в чудо —
одна из самых светлых вер.
А снег пойдёт. Как раз к обеду,
когда я в Африку приеду.
Во вторник. Или лучше – в среду.
Но после дождика в четверг.

Как трижды три

маленькая поэма

1

Когда бы не был я раним
напоминанием одним,
что все мы меркнем перед *ним*,
и, как творцы макулатуры,
существованием своим
опасны для литературы,
то непременно бы нашёл
наперекор природной лени
возможность Музу на колени
себе привлечь и сесть за стол.

2

Уж мы придумали б, о чём
поведать миру. Калачом
на задушевную беседу
нас вызвать дошлому соседу
не удалось бы нипочём.
Как ни имей он на примете
прознать, каким таким речам
мы предаёмся по ночам —

он о желаемом предмете
не смог узнать бы ничего.
Так пожалеем же его.

3

Вот это шутка! *Се ля ви*.
(Надеюсь, что французским Вы,
мон шер, владеете свободно.)
Коль скоро будет Вам угодно
наверно знать, а что в виду
имею я, когда веду
о шутке речь, тогда охотно
признаюсь в том, что на беду
я не могу найти героя
среди знакомых и друзей,
дабы воспеть, как Одиссей
воспет и как воспета Троя,
а рифмовать на злобу дня
невыносимо для меня.

4

Герой, однако ж, найден. Он
был от рождения крещён
по православному обряду,
затем четыре года кряду
мочил пелёнки, чем смущён

немало был его родитель,
не зная за собой греха
подобного, ворчал: *вредитель*.
И, понимая, что лиха
беда, как водится, начало,
а дальше легче, мать качала
седой до срока головой,
ещё не будучи вдовой.

5

Мне дела нет, какую Вы
из вновь прочитанной главы
науку вынести сумели,
и есть ли в том хоть малый прок
для Вас. Я на короткий срок,
не написав и сотни строк,
родителей у колыбели
оставлю. И пускай они
покамест поживут одни —
им осточёртели до смерти
(уж мне, пожалуйста, поверьте)
немногочисленной родни
авторитетные советы.
Как поговаривали деды:
и малой силой вражью рать
заставить можно землю жрать.

6

Пусть я смущаю Ваш покой
пустопорожней чепухой,
написанной моей рукой
без напряженья, между прочим.
Но что поделаешь – порочен
я, как иные. (Мы морочим
друг друга много крат сильней,
чем я поэмою своей
морочу Вас.) И мой порок
в том заключён, что этих строк
мне вид приятен. Право слово,
нет в этом ничего плохого —
ведь безобиден графоман,
не сочиняющий роман,
а пожелавший бестолково
без задней мысли и морали
на радость дюжине (едва ли
и столько сыщется) друзей
подбросить парочку идей
для обсужденья за столом
меж преферансом и вином.

7

Друзья мои! А чем же *нас*
так привлекает преферанс?
Нас не причислишь к знатокам

всех тонкостей, но под *виствза*
мы и под мухой выйдем с туза,
и возмущённым игрокам
нас канделябром по рукам
бить не представится возможность
за явную неосторожность
иль глупый ход. Наверняка,
чем в подкидного дурака
всю ночь, как нанятым, играть,
полезней пульку расписать.
Игра, ей Богу, не глупа,
так *пуркуа бы и не па?*

8

Прошу покорно извинить,
я не намерен изменить
ни слова из того, что было
написано до сей поры.
Такие правила игры
я сам установил. Не мило —
тогда не стоит и читать
лишь для того, чтобы считать
мои досадные повторы,
а после за вечерним чаем
вести пустые разговоры
о том, что, дескать, у него
в пятнадцати строках всего
три раза слово *нас* встречаем.

Увы, увы, я не Флобер,
хотя беру его в пример.

9

Что напоследок я хотел
сказать? Поэма выйти втрое
длинней могла бы, но героя
мы позабыли между дел.
А он изрядно постарел
тем временем, заматерел
и процветает, сколотив
торговый кооператив.
Его старушка-мать жива,
читает перед сном *Моэма*
и, слава Богу, не вдова,
но у родителя проблема —
трещит с похмелья голова.
На том закончена глава,
а с ней закончена поэма.

Девять блюзов для Наташи

1. Солдаты блюза

Нас не греют постели но во все времена
мы готовы в дорогу и нас не пугает война

мы знаем солдаты блюза гибнут на Млечном Пути
мы знаем солдатам блюза никогда не дойти
до цели

мы устаём как собаки но во все времена
не потерять надежду нам помогает Луна

мы помним солдаты блюза гибнут на Млечном Пути
мы помним солдатам блюза не суждено дойти
до цели

быть солдатами блюза трудно во все времена
но мы смеёмся как дети которых не ждёт ничего

мы верим солдаты блюза любимы на Млечном Пути
мы знаем солдатам блюза уже никогда не дойти
до цели

2. Четыре года

Четыре года не изменили меня
четыре года в дороге не изменили меня
четыре года пролетели как четыре дня

четыре года не изменили тебя
четыре года в постели не изменили тебя
четыре года просочились как между пальцев вода

четыре года не изменили тебя
четыре года не изменили меня
и мы не будем вместе ни дня

четыре года не изменили ни тебя ни меня
четыре года пролетели как четыре дня

3. Твои колени в мозолях

Твои колени в мозолях
от долгих бессонных ночей
ты считаешь позором
что руки растут из плеч эй

и я обожаю тебя за это

твои колени в мозолях
от бурных бессонных ночей
ты не можешь позволить
себе оставаться ничьей

и я ненавижу тебя за это

твои колени в мозолях
от грязных бессонных ночей
ты живёшь под надзором
похотливых своих палачей

и я презираю тебя за это

но я не могу без тебя

4. Ты никогда не узнаешь

Я ухожу из дома
мне не нужен уют
впереди дорога
позади порог

ты никогда не узнаешь что такое уходить навсегда

я стою на мосту

я не вижу людей
надо мною небо
подо мною река

ты никогда не узнаешь что такое броситься вниз

я не хочу на север
я не хочу на юг
мне не нужен запад
мне не нужен восток

ты никогда не узнаешь что такое никуда не спешить

я открываю дверь
я закрываю глаза
за порогом ты
позади ничего

ты никогда не узнаешь что такое вернуться домой

5. Как мясо

Я не видел рассвета
и вряд ли увижу закат
я даже не вижу просвета
в серых слепых облаках

я чувствую мы им нужны как мясо

я вижу как всякая сволочь
топчется по головам
мне хочется вырубить совесть
и занырнуть в стакан

я чувствую мы им нужны как мясо

я вижу лощёная сука
хоронит меня в углу
меня заедает скука
но я молчать не могу

я чувствую мы им нужны как мясо

6. Она убила меня

Мама она убила меня
ты не поверишь мне мама она убила меня
и я тупею день ото дня

я забросил гитару
я забыл про друзей
я не сдаю стеклотару
и пью теперь каждый день

мама она убила меня
и я тупею день ото дня

мама я не желаю так жить
ты не поверишь мне мама я не желаю так жить
мне надоело себя глушить

я разобью бутылки
я наплюю на неё
лучше дыра в затылке
чем такое житьё

мама я не желаю так жить
мне надоело себя глушить

7. Ты забыла

Ты забыла кем ты была вчера
не жми плечами ты забыла кем ты была вчера
я вижу ясно в твоей груди дыра

твои глаза не излучают тепло
мне страшно видеть что глаза не излучают тепло
они слепые как лобовое стекло

ты не смеёшься и не поёшь мой блюз

ты не смеёшься моим шуткам и не поёшь мой блюз
немного жутко что так тяжел этот груз

я понимаю что моё дело труба
я не дурак и понимаю что моё дело труба
мне безразлично что изменило тебя

ах твой папаша вчера купил Мерседес
ты говоришь что твой папаша вчера купил Мерседес
тогда прощай моя крошка я обойдусь и без

тебя катись катись катись

катись ко всем чертям

8. Часы на моей стене

Я сам себе прокуратор
я сам себе иудей
я сам себе генератор
самых безумных идей

потому что часы на моей стене стучат в ритме блюза

не надо сажать меня в клетку
не надо кричать взахлёб

не надо показывать плётку
не надо показывать хлеб

за то что часы на моей стене стучат в ритме блюза

забудь обо мне ради Бога
я буду лежать как вода
ты можешь кусать свои локти
но ты не поймёшь никогда

того что часы на моей стене стучат в ритме блюза

9. Макаров блюз

Макар погнал телят за речку
погнал пастись телят за речку
пересыхающую речку
ему навстречу Серый Волк

Макар сорвал с плеча двустволку
свою охотничью двустволку
великолепную двустволку
Макар в двустволках знает толк

могли пролиться капли крови
могли пролиться реки крови
могло пролиться море крови

но Волк с позором убежал

он скрылся с глаз за горизонтом
прочь за далёким горизонтом
да навсегда за горизонтом
Макар там сроду не бывал

вы не ищите здесь морали
вы не найдёте здесь морали
здесь и не может быть морали
я поучать вас не берусь

чтобы отвлечь вас от раздумий
вас от безрадостных раздумий
от унизительных раздумий
я вам пою Макаров блюз

«Когда я навещу Ростов…»

Когда я навещу Ростов,
пять барбарисовых кустов
там посажу в саду конвертом.
Затем, когда я стану ветром,
очередной Екклесиаст
внесёт меня в свою тетрадку,
которую листать никто
не станет. Дальше по порядку

пройдут века. И Вы в пальто
демисезонном в сад войдёте,
на куст засохший набредёте,
последний из того конверта.
И назовете имя ветра.
И Вам за это Бог воздаст.

Окно

1

Я от рождения одной
надеждой движим, что напрасно
небритая щека пространства
в окне нависла надо мной.

2

Конечно, я в Исаии не гожусь,
но всё же ты останешься вдовою.
Ты мне не веришь, ну да Бог с тобою —
я на тебя за это не сержусь.
Я только покачаю головою
и сяду рядом. А теперь спроси,
зачем в окно заглядывают Псы
Большой и Малый и тоскливо воют.

«Заткни меня за пояс Ориона…»

Заткни меня за пояс Ориона.
Мне – не скажу, что белая ворона,
лишь несколько отличный от иных,
отведавших правления Нерона
или ему подобных – подле трона
коленями сучить, как и патрона
в патронник досылать, не довелось
покамест. Кто рогатый, тот и лось,
но может стать, что запрошу пардона,
когда мне будет ловко бить под дых
дородная заплечных дел матрона.

«Какого дня какая злоба…»

Какого дня какая злоба
согнёт меня в бараний рог
настолько, что друзья до гроба
не пустят даже на порог,
и отвернутся домочадцы
от непотребного отца?
А до Небесного Отца
во все века – не докричаться.

«Я умер. Было бабье лето…»

Я умер. Было бабье лето.
Четыре дня до Покрова.
Прошла по городу молва,
что дуба дал, как дважды два,
и даже местная газета
заметку тиснула: поэта
солёная от слёз вдова,
вовсю сморкаясь в рукава,
сопровождала у лафета.
Пускай твердят, коль скоро это
не посягает на права
в гробу лежащего предмета.

«Боевое седло убивает в мужчине мужчину…»

Боевое седло убивает в мужчине мужчину,
но рождает легенды. И в этом я вижу причину

тяготения к тихим омутам пьяного рая.
Я не против надраться. Я считаю, что это вторая

форма небытия, сопряжённая с выбором место-
положения тела относительно Оста и Веста

по капризу души. Нестареющим жестом Пилата
умываю ладони. Мне дороже шестая палата.

«Крест Лебедя над городом ночным…»

Крест Лебедя над городом ночным,
провинциальным, глупым, сволочным,

скрывающим за сотнями замков
унылых баб и пьяных мужиков,

навязчивым, как папиросный дым,
и – никуда не денешься – родным.

* * *

Я построю дом. Из Крыма переставлю на чердак
водопад Джурджур весёлый и угрюмый Чатырдаг.

Чтобы не было неловко, гостя встретят на столе
Демерджи пирог слоёный, Понт Эвксинский в хрустале.

И тогда в любое время заходи – поговорим,
будь ты город Севастополь или Александр Грин.

«Рентгеновский снимок в зените…»

Рентгеновский снимок в зените,
рябина, как смерть на миру,
но я не скажу: извините
меня за двойную игру, —
тому, кому не по нутру
рентгеновский снимок в зените,
рябина, как смерть на миру.

«Осколок зеркала – растущая луна …»

Осколок зеркала – растущая луна —
пускает зайчиков на полуночный город.
Чумацким Шляхом неба свод распорот —
и звёзды густо падают за ворот,
и звёздами исколота спина.
Вам этого не видно из окна.

«По мановению руки…»

По мановению руки,
оповестившему начало,
Плеяд рябиновая кисть
к быку небесному упала.

Уходит день, уходит год,
уходит век – на горнем склоне
бык звёзды горькие жуёт,
и не кончается погоня.

«Лишённые по прихоти людей…»

Лишённые по прихоти людей
своей привычной птичьей процедуры,
скользят по холодеющей воде
два лебедя, как лёгкие фигуры.

И вот когда на опустевший пруд
падёт зимы проклятье воровское,
мы скажем просто: шахматный этюд
вполне решило лето городское.

«То ли в детство впадаю…»

То ли в детство впадаю,
то ли вещие сны —
сам себя наблюдаю,
как столица Апсны.

Вот ладонь погружаю
в неостывший песок,
облака провожаю
взглядом наискосок.

Вот сухую травинку,
как телок, тереблю
и гудеть под сурдинку
помогаю шмелю.

Мимо на паутинке
пролетел паучок —
мило, как на картинке,
чья цена пятачок.

Дозревают рябины,
на губах молоко,
и до первой руины
далеко-далеко.

«Солнца медный пятак…»

Солнца медный пятак
сунул в тощий карман окоёма
износившийся франт,
облысевший до первых седин,
и отправился прочь
из горящего жёлтого дома —
сорок восемь недель
живота своего господин.

«Распахни своё окошко…»

Распахни своё окошко
поскорее – посмотри,
как качается серёжка
в мочке розовой зари.

Здравствуй, взбалмошная вера
ни с погоста, ни с села,
в то, что это не Венера —
капля чешского стекла.

«Поздно вечером выйдем покурить на балкон…»

Поздно вечером выйдем покурить на балкон
и увидим – на юге поднялся Орион,

и за ним, за домами, за дымком сигарет —
миражом – Галилея, городок Назарет,

двери дома, мужчина подпирает косяк,
завтра утром в дорогу, а жена на сносях,

долгожданный мессия всё еще не рождён,
и висят над горами семь огней без имён.

«Кто гадал по следам…»

Кто гадал по следам
над болотом поднявшихся уток,
кто хлебал молоко
из прохладной ладони реки,
кто платил свою дань
одиночеству пеших прогулок —
тот меня не поймет

и напишет другие стихи.

«В этих диких краях…»

В этих диких краях
нужно быть элементом рельефа —
драгоценную плоть
растерзают, и, может быть, бросят,
а копаться в душе
никому недостанет ума.

ДОРОГА В ДАМАСК
2003

«Дочь легкомысленной любви…»

Дочь легкомысленной любви
воды и солнечного света,
мать сон-травы и первоцвета,
рождённой заново листвы,
пора вскипания крови
под корень срубленной берёзы —
когда предчувствие угрозы
никак нейдёт из головы.

«Мы не заметили, увы…»

Мы не заметили, увы,
мы за делами проглядели,
что парк – и не прошло недели —
укрылся пологом листвы,
а это значит, ангел мой,
уже не за горами лето.
Но стало воздуха и света
куда как меньше, чем зимой.

«Тот, кто выбирает дорогу…»

Тот, кто выбирает дорогу,
которой пристало идти,
себе выбирает тревогу,
которой томиться в пути.

Что ведомо мне о тревоге,
терзавшей задолго до нас
пылившего по дороге
в Дамаск?

Прогулка

1

Вторая неделя июля,
и в праздник Святого Петра,
как набожные бабули,
бездельничаем с утра.

Но маяться, скоро ли вечер,
причины я не нахожу.
Отправимся, здесь недалече —
тебе городок покажу.

2

Чтоб камнем душа не лежала,
ты тех оправдай и прости,
кто ратушу после пожара
не смог до ума довести.

Никто из них не бездельник.
Не имут вины
работавшие не из денег
спасители старины.

3

Над могилами деда и бабки,
тётки и прочей родни
ни памятников, ни оградки —
кресты да вороны одни.

По-разному жили-тужили
в крестьянской своей простоте —
те праведно, эти грешили.
А ныне лежат в тесноте.

4

За клёнами скромно притихший,
но строгий, как всадник Егор, —
когда-то меня окрестивший,
стоит православный собор.

И с давнего детского лета
знакомая наперечёт
Чечёра – река Гераклита —
под Замковой горкой течёт.

«Пучок утиных перьев…»

Пучок утиных перьев,
бессмертников пучок —
не тешься, дурачок,
ты у неё не первый.

Ручаюсь головой,
она не унывала
и многократ бывала
соломенной вдовой.

Сейчас она твоя,
но случай подвернётся —
другому улыбнётся
и скажет: *вуаля*.

«Отправляешься в дорогу…»

Отправляешься в дорогу:
кости – псу, овёс – коню,
сердце – даме, душу – Богу,
честь и совесть – никому.

Но не кайся, бедный рыцарь,
если скажут, дураку,
что милее те, чьи рыльца
от рождения в пуху.

«Я памятник воздвиг из горстки слов…»

Я памятник воздвиг из горстки слов.
Достойный поклонения волхвов,
он интересен, судя по всему,
мне одному.

И потому непрочный, как слюда,
мой памятник исчезнет навсегда
бесследнее языческих могил.
Но всё-таки он был.

«Синева долгожданного неба…»

Синева долгожданного неба
обласкает на несколько дней,
не заботясь о том, как нелепы
и мелки наши страсти по ней.

А когда пролетит паутина,
станут жилы тянуть, ополчась,
беспросветная серость, рутина
и непереносимая грязь.

«Снег, обглоданный туманом…»

Снег, обглоданный туманом
атлантических дыханий,
не является обманом
новогодних ожиданий,
но является причиной,
основной и несомненной,
ссоры женщины с мужчиной,
одиноких во Вселенной
между лживых, безучастных,
вороватых, суетливых
и поэтому несчастных,
но поэтому счастливых.

«Небесные цветы дворов и пустырей…»

Небесные цветы дворов и пустырей
влекут меня к себе невнятно и тревожно.
Я сделал первый шаг. Я вышел из дверей.
Я не могу сказать, вернусь ли. Невозможно
предвидеть результат внезапных перемен,
стремительный итог уходов без прощаний.
Искусство быть вдвоём не знает ни времён,
ни комнат, где скелет напрасных обещаний,
скрываемый в углу от посторонних глаз,
не хочет присмиреть и цокает костями.
Его немой укор, его истошный глас
не значат ничего для движимых страстями
по вечному пути. Незваными гостями
им так легко идти с худыми новостями.

Десятый блюз

Я пена XX века
катящегося под уклон
я значу не больше чем Вега
когда приходит циклон

я мясо XX века
кровавого с красной строки
я значу не больше чем веха
дрожащая в русле реки

я выбор XX века
в последние несколько дней
я значу не больше чем ветка
для листьев шумящих на ней

«В конце дороги крепкий чай…»

В конце дороги крепкий чай
и тёплая постель,
а за окном который час
колючая метель.
А за окном леса, поля,
чужие города,
окоченевшая Земля,
хвостатая звезда,
неразличимая во мгле.
И вся моя беда
в том, что как стрелка на игле
мечусь туда-сюда.

«Верни мне слово – я тоскую…»

Верни мне слово – я тоскую,
я задыхаюсь в тишине.
Не вою в поле при луне,
не щёлкаю и не токую.
Я молча ухожу в глухую
защиту, пью напропалую,
не чаю о грядущем дне —
и не сменяю на другую
судьбу свою, пускай немую,
но предназначенную – мне.

«Второе утро августа. Илья…»

Второе утро августа. Илья.
Берлинская лазурь и амальгама
слепят невыносимо – или я
отвык от света птичьего и гама
за краткий миг, пока чудил июль,
насквозь промокший, скомканный и мнимый,
как миллион, умноженный на нуль,
как этот день, летящий вскользь и мимо.

«Берёза сыплет семенами…»

Берёза сыплет семенами.
В природе август. Временами
я исчезаю за дымами
недорогого табака
и маленького костерка,
зажжённого в лесу сосновом,
пустом и светлом, над которым
обычно соло, реже хором
летят кто с карканьем, кто с рёвом,
а молча – только облака.

Mississippi blues

Я не Том Сойер но тем не менее Том
я даже в мыслях не Том Сойер но тем не менее Том
мы похожи как собака с котом

эй Гекльберри ты не забыл свой Миссисипи блюз
пока ты помнишь я ничего не боюсь

здесь каждый пятый братец Сид или индеец Джо
здесь каждый пятый
каждый третий
просто каждый братец Сид или индеец Джо
о кто бы знал как я хочу сказать им всем идите в жо

эй Гекльберри давай споём твой Миссисипи блюз
пока мы вместе я ничего не боюсь

мой старый папа не Марк Твен а мать не Харпер Ли
мой старый добрый бедный папа не Марк Твен
а мать не Харпер Ли
они быть может и хотели да что толку если не могли

эй Гекльберри не забывай наш Миссисипи блюз
пока ты помнишь что мы вместе я ничего не боюсь

я никого я ничего я ни черта всё суета
лишь бесконечный Миссисипи блюз

«Восстанут племена иные…»

Восстанут племена иные,
но повторится, как закон —
во тьме исчезнет Ниневия,
падёт великий Вавилон,
высокомерный Персеполис
горячим пеплом заметёт,
сию стремительную повесть
потомок будущий прочтёт,
отложит в сторону учебник,
урок ответит в двух словах
и своевременно исчезнет
в геологических слоях.

«Я не помню Магадана…»

Я не помню Магадана,
я не помню Волгограда.
Это более чем странно.
Но, возможно, так и надо
забывать места и сроки,
забывать слова и лица,
чтоб не чувствовать мороки
и в себе не заблудиться.

«Я говорю а кто такие мы…»

Я говорю а кто такие мы
лелеющие мелкие обиды
имеющие призрачные виды
в полушаге от сумы или тюрьмы
паломники бредущие из тьмы
во тьму и не хулящие планиды
искатели Эдема Атлантиды
и золота в бассейне Колымы
высокие и подлые умы
прекрасные творенья инвалиды
быки и матадоры без корриды
в болоте ежедневной кутерьмы
на фоне лета осени зимы
весны до жизни после панихиды

«Куда идём и где конец дороги …»

Куда идём и где конец дороги —
об этом знают истину одне
лиловые берёзы при дороге
и небо безответное над ней,
и талый снег, и лужи на асфальте,
и дружная, но поздняя весна.
Не повышайте голоса. Оставьте
в покое нас и наши имена.

«Одинокий постылый уют…»

Одинокий постылый уют,
детский ужас пустующих комнат
между *может быть помнят и ждут*
и *конечно, не ждут и не помнят*,
или долгий супружеский рай,
бесконечная пёстрая лента —
назови свою роль и сыграй
без антракта и аплодисмента.

«Под облаками августа…»

Под облаками августа,
дождями сентября
замешанная нагусто,
надёжно и не зря
надежда на спасение
от злости и тоски
в последние осенние
погожие деньки
обманет? оправдается?
не выйдет из ума?
Что сбудется, то станется.
А далее – зима…

«Не мочёной морошки…»

Не мочёной морошки
попрошу принести,
жизни жалкие крошки
зажимая в горсти,
но такую же мелочь
назову, дребедень,
что в достатке имелась
у меня каждый день,
чтобы стало понятно,
как любил его я —
этот грубый, приятный,
вечный вкус бытия.

«В повтореньи сезонов…»

В повтореньи сезонов,
положений и слов —
проявленье законов,
утвержденье основ.
И не надо бояться
быть таким же, как все,
горевать и смеяться
и бежать в колесе,
забывая при этом,
что и сны наяву
возвращаются эхом,
как лесное ау.

Орёл и решка

1 (2)

Мы малые, но перед нами вечность
и звёздные скопления вдали.
Мы не считаем время на рубли.
Мы малые, но перед нами вечность.
Играющим в космической пыли,
нам не к лицу наивность и беспечность.
Мы малые, но перед нами вечность
и звёздные скопления вдали.

2 (1)

Мы малые, но перед нами вечность
и звёздные скопления в дали,
которая зовётся – бесконечность.
Мы малые, но перед нами вечность —
и нам к лицу наивность и беспечность,
играющим в космической пыли.
Мы малые, но перед нами вечность
и звёздные скопления вдали.

«В этом мире симметрий и тождеств…»

В этом мире симметрий и тождеств,
конгруэнтностей и подобий,
заурядностей и ничтожеств,
безысходности и юдоли
просто быть симметричным, тождественным,
конгруэнтным, подобным.
Невозможно – божественным.
И нельзя – неудобным.

«Неподвластно, неподсудно…»

Неподвластно, неподсудно,
безрассудно, ни зачем
зарождаются подспудно,
как руда из гидротерм,
по законам тех тектоник,
что неведомы почти
и которые никто не
в состоянии постичь,
в неположенные сроки
потаённые слова —
и тогда молчат сороки,
и не ухает сова.

«И жизни год сороковой…»

И жизни год сороковой,
начаться не успев, кончается,
и венчика над головой
не намечается,
и счёт один за всё про всё —
уйдём туда, откуда прибыли,
своих долгов не унесём,
тем паче прибыли,
поскольку суета сует
поборами не облагается,
и в саване карманов нет —
не полагается.

«Я напишу стихотворенье…»

Я напишу стихотворенье
и возведу его в закон:
– От самых первых дней творенья
до окончания времён
какие бы не угрожали
напасти – нам ли горевать?
Non solum armis, горожане,
и век иному не бывать.

Псалом 130

Я наблюдаю облака,
потупив очи.
Не поднимается рука
исполнить то, на что нет мочи.
А усмирённая душа
моя томится,
не порываясь, не греша,
и плакать, как дитя, боится.

САД ИЕРОНИМА
2006

«Запить запеть за пять за три с полтиной…»

Запить запеть за пять за три с полтиной
затри-с пол тиной и не будь скотиной
не будь с Кати Ной это кто такая
не понимаю или кто-то Кая
поссорил с Гердой лошадь но не пони
мою мечту о сладостном Ниппоне
умыли грязью и пришла усталость
а есть умы ли светлые осталось
запить запеть за пять за три с полтиной

«Посторонись, прохожий, я иду…»

Посторонись, прохожий, я иду
Ирининской, а прежде Первомайской,
без умысла и цели маломальской
у города и мира на виду
с волшебной флейтой в сморщенном заду,
прикрыв лицо своё посмертной маской,
дыша галлюцинацией и сказкой,
как у Иеронима во саду.

«Корзина с польскими грибами…»

Корзина с польскими грибами,
куст бересклета.
Разбился август, как о камни,
о берег лета
на многочисленные брызги —
на дни, недели,
на незначительные мысли,
почти идеи,
на повторяющиеся мерно
удары пульса,
всё разделяющие верно
на до и после.

«Возьму да сочиню сонет…»

Возьму да сочиню сонет,
ущербный без высокой темы,
как Пифагор без теоремы
или корнет без эполет.
Пардон, а почему бы нет?
Какие могут быть проблемы
в координатной сетке, где мы
мой наблюдаем силуэт?
И пусть я вовсе не поэт,
коль не способен для поэмы
достойный подыскать предмет
изображения. Привет!
Я выпадаю из системы —
пойду, приму парад планет.

«Провинциальный милый сердцу быт…»

Провинциальный милый сердцу быт
коробка спичек пачка Беломора
бесцельный труд с утра и до забора
способствуют забвению обид
с души воротит и в глазах рябит
от Гималаев избяного сора
виват Содом да здравствует Гоморра
бедняга Лот и колокол звонит

«С опозданьем, конечно…»

С опозданьем, конечно,
постигаю азы,
очевидные вещи —
сразу после грозы
потревоженный воздух
так же будет кипеть,
гужевые повозки
так же будут скрипеть,
как при Игоре князе,
и столетья спустя
при сверхзвуке и квази-
световых скоростях.

«Дали голос, но не дали хлеба…»

Дали голос, но не дали хлеба
для продления жизни земной.
Кто делился насущным со мной?
Ты да небо.

И за каждое слово
мне сторицей воздастся в раю
или том безмятежном краю,
где увидимся снова.

«Закурю папироску…»

Закурю папироску,
накропаю стишок
про крещенских морозов
нестерпимый ожог,
и на ветках берёзы
приунывших ворон,
и роскошную россыпь
опустевших дворов,
и внезапной метели
кружевную юлу.
И за эту безделку
сам себя похвалю.

* * *

Я из тех, для кого Интернет – лабиринт Минотавра
и единый кормилец на все времена – Гуттенберг,
для кого побережье Колхиды, подножие Тавра —
не потерянный рай, а начало дороги, ведущей наверх.

И на что уповать уроженцу имперских окраин,
где чуть новый игумен, так следом новейший устав?

Слава Богу, не Авель ещё и, надеяться смею, не Каин, а только Исав.

«Кто был неправеден и грешен…»

Кто был неправеден и грешен,
кто был ничей и всех жених,
кто был уловлен и повешен
по наущению иных,
кем обнадёжен и утешен
был род людской пускай на миг —
тому и пригоршня черешен
дороже копей золотых.

ФЕНИКС
2010

«Бог перестал со мною говорить…»

Бог перестал со мною говорить,
установив божественный порядок.
Мне некого за это укорить —
Бог перестал со мною говорить.
Я бросил пить, буянить и курить,
избавился от локонов и прядок.
Бог перестал со мною говорить,
установив божественный порядок.

«Не дарите папе розы …»

Не дарите папе розы —
не дорос отец до роз.
Он курил бы папиросы —
вдруг не стало папирос.

И слова поистрепались
(очень тонкий матерьял).
Подарите папе парус —
папа ветер потерял.

«Когда настигнет немота…»

Когда настигнет немота,
тогда узнаешь цену слова
безмерную и станешь снова
пытаться разомкнуть уста.

Начать бы с чистого листа
и жить до одури толково.
Пустое. Не дано иного.
Расклад – и в бубнах без виста.

Такая слабая звезда
мерцает. А теперь о главном:
игра словами непроста,
хотя и кажется забавным,
что речь течёт потоком плавным,
как листья падают с куста.

«Кто ищет истину в Тибете…»

Кто ищет истину в Тибете,
кто в вине.
Ищу и я
с другими наравне.

Уходят поколения.
В ответ
вино бормочет
и молчит Тибет.

Псалом 132

Господь в безмерной мудрости своей
благословил, как горный склон Сиона,
и завещал нам до последних дней
придерживаться твёрдого закона —
жить братьям вместе лучше и милей,
приятней, и смелей, и веселей,
чем в удалении. И это – как елей,
стекающий на бороду Аарона.

«Я рано встал и посмотрел в окно…»

Я рано встал и посмотрел в окно
на небо, где последний месяц лета
за несколько мгновений до рассвета
неосторожно расплескал вино.

И я спросил тогда: – За что мне это
прекрасное мучение дано,
и эта радость уронить зерно?
Но мой вопрос остался без ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.